

Горшенков Геннадий Николаевич
Gorshenkov Gennadiy Nikolaevich

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603115, Нижний Новгород, Ашхабадская, 4)

the doctor of the legal sciences, professor of the pulpit of the criminal right and process Nizhegorodskogo state university im. N.I. Lobachevskogo (603115, Lower Novgorod, Ashhabadskaya, 4)

Иванова Анна Александровна
Ivanova Anna Aleksandrovna

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (603014, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, Б. Печёрская, 25/12)

candidate of the legal sciences, assistant professor of the pulpit of the civil right and civil process Nizhegorodskogo branch of the National exploratory university "High school of the economy" (603014, Nizhegorodskaya area, Lower Novgorod, B. Pechyorskaya, 25/12)

Стратегия и законотворчество в противодействии преступности

Strategy and lawmakingin reluctance of criminality

В статье анализируются вопросы теоретического и правового обеспечения противодействия преступности на основе модели государственного управления, в основе которой положены три управленческих уровня: высший, средний и низший. Обращается внимание на такое важное условие законотворчества, как следование принципу научности. Раскрываются последствия игнорирования законодателями данного принципа, отрицательно влияющего на практику противодействия преступности, коррупция и экстремизму.

Авторы высказывают мнение о таком деструктивном в законотворчестве факторе, как переоценка политической целесообразности основных направлений противодействия преступности, и необходимости гармонизации отношений на всех уровнях государственно-правового управления – от идеологического осмысления до реализации мер противодействия преступности.

In article is analysed questions theoretical and legal ensuring the reluctance to criminality on base of the models of state management, in base which prescribed three management levels: выс-сев, average and undermost. Addresses attention on such important condition of the making the laws, as using the scientific principle. Open the consequences of the omission lawmaker given principle, negatively influencing upon practical person of the reluctance to criminality, corruption and extremism.

Authors voice opinion about such деструктивном in законотворчестве factor, as reassessment to political practicability of the main trends of the reluctance to criminality, and need of the co-ordination of the relations on all level state-legal management - from theoretical comprehension before realization of the measures of the reluctance to criminality.

Ключевые слова: концепция, стратегия, законотворчество, противодействие преступности, уровни государственного управления, политизация, политическая целесообразность, коррупция, экстремизм, риски, принцип научности.

Keywords: concept, strategy, making the laws, reluctance to criminality, level of state management, political estimation of the sense, political practicability, corruption, extremism, risks, scientific principle

Ключевые слова «стратегия», «законотворчество», «противодействие» и их логическое следование predetermined известны моделью трёхуровневой системы государственно-правового управления.

Первый, или высший уровень можно назвать идеологическим, или концептуальным уровнем. Второй, средний уровень – законотворческий. И третий, низший уровень – исполнительно-распорядительной деятельности.

На первом уровне рождается идея, основная мысль, или главный замысел чего-либо, задуманного к осуществлению в будущем. Из этой общего характера идеи в развитие её проистекают другие, конкретизированные идеи, которые первоначально представляют некий хаос, т.е. неупорядоченное, бесформенное состояние вещей¹, в нашем случае основополагающих идей. Эти идеи подвергаются систематизации, в результате которой хаос преобразуется в определённый порядок. Стратегия так и понимается: как «форма перехода

---

¹ См.: Краткая философская энциклопедия. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. С. 501.

от хаотичного конгломерата знаний к их системной организации, цельной структурированности»².

Систематизация определяется нами как теоретическая разработка приоритетных направлений, принципов, целей, задач и других значимых положений, вытекающих из основополагающей идеи. Продуктом такой разработки является *концепция*, или *стратегия* – в частности, можно сказать, как «искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах»³.

Понятие стратегии мы рассматриваем, как в широком (общая стратегия), так и в узком («особенная» стратегия) смысле (хотя классификации могут быть самые разные)*. «Особенная» стратегия определяется как одно из приоритетных направлений деятельности или одно из приоритетных направлений общей стратегии, скажем, стратегии борьбы с преступностью. Например, академик В.Н. Кудрявцев определял около десяти стратегий борьбы с преступностью: пресечение преступлений; уголовное преследование лиц, совершивших преступление; истребление и устрашение; изоляция; исправление⁴ и т.д.

Например, если обратиться к «Национальной стратегии противодействия коррупции»⁵, то главной стратегической целью идеи противодействия коррупции, в этом документе определена (стратегическая) цель – «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе» (ст. 5). Проистекающие из главной, стратегической идеи (и цели) конкрети-

---

² Баранов В.М. Концепция законопроекта и её роль в повышении эффективности принятия закона: URL: http://o-patriotizme.narod.ru/zak_deyatGD2003_konfer_konz.htm (дата открытия документа 11.09.2014 года).

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. С. 772.

* См., например: о классификации концепций законопроектов: Апт Л.Ф., Баранов В.М. Систематизация в правотворчестве: сущность, ценность, перспективы совершенствования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 24.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003. 352 с.

⁵ См.: О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы: Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. N 460 // Российская газета. 2010. 15 апреля.

зированные идеи выступают основополагающими идеями приоритетных направлений. В Национальной стратегии предусмотрено более двадцати таких, т.е. стратегических направлений ст. 8).

В рамках нашей статьи мы не рассматриваем такого рода стратегии, или приоритетные направления, прокладываемые в русле главной идеи, обуславливающей и главную (стратегическую) цель.

Очевидно, что *стратегия* означает то же, что и *концепция*, т.е. *система понятий об осмысливаемом предмете*, иными словами предметных знаний об объекте управленческого воздействия, например, о той же преступности или коррупции, экстремизме (терроризме), задачах, принципах, методах, средства управленческого воздействия.

Эта система понятий выражает непреложные идеи, которые указывают истинный путь к решению той или иной проблемы (противодействия) либо достижению стратегической цели, решению тактических задач. Они именуется *руководящими* идеями, т.е. которые, по выражению Платона, «правят миром».

Можно сказать, на *высшем уровне* реализуется *концептуальная власть*, т.е. *политическая власть*. Важно подчеркнуть, что «...политическая власть... направлена на само государство, на систему его исполнительных учреждений, определяет направления их деятельности. Политическая власть не используется для воздействия на общество. Её назначение служить управленческому организму»⁶. Добавим, обеспечивать искусство управления государством, чтобы этот главным субъект обеспечивал результативную деятельность – борьбу, противодействие.

Например, «Стратегия безопасности Российской Федерации до 2010 года» определена как базовый документ (или концепция) по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, как основа «для конструирования взаимодействия органов государ-

---

⁶ Борисенков А.А. О политической власти и её связи с государственно властью // Право и политика. 2013. № 5 (161). С. 635.

ственной власти, организаций и общественных объединений для защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства» (ст. 4)⁷.

В таком же качестве представляет себя и «Национальная стратегия противодействия коррупции», в которой (на основании анализа ситуации в стране, оценки системы противодействия коррупции и с учётом международных правовых документов) определены (стратегическая цель, тактические задачи, основные принципы, направления и механизмы реализации Стратегии).

На втором уровне государственного управления эти руководящие, научно обоснованные идеи формализуются в нормативно-правовые акты, во главе с соответствующей концепцией или стратегией, руководящие идеи которой обретают то самое интегрированное свойство, которое именуется концептуальной властью. Таковой являются, например, обозначенные выше национальные стратегии безопасности и противодействия коррупции и подобные им другие концепции – источники политической власти*.

Беда в том, что не всегда концептуальные идеи, написанные по образному выражению проф. Ю.А. Тихомирова, *ангелами* (т.е., как мы понимаем, выразителями и исполнителями воли той самой *высшей* идеи), воплощаются земными создателями в позитивных императивах, конкретизирующих эту высшую идею в нормативных документах.

В метафорическом «ангеле» нам видится так называемый субъект *над-системного управления*, или системно мыслящий специалист, способный быть выше предметного (прагматического, или приземлённого) мышления,

---

⁷ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.

* См., например: «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Д. Медведевым 5 октября 2009 года // Российская газета. 2009. 20 октября; «Концепция осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010-2015 годы». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2010 года № 1563-р // Российская газета. 1010. 23 сентября.

как бы выйти за пределы системы, рассмотреть её со стороны «независимым», *стратегическим* взглядом, оценить ситуацию, спрогнозировать перспективы воздействия на неё. В этом взгляде особенную роль играет методологический инструментарий, в частности надсистемные, фундаментальные принципы (взаимосвязи, историзма и др.), которые «в соответствии со всеобщими законами развития являются универсальными для любых видов деятельности»⁸.

Надсистемный управленец не должен иметь «замыленного» взгляда на происходящее, не должен быть затаен в текучку и иметь сформированного упрощённого убеждения (что свойственно предметному мышлению) «как должно быть», которые не позволяют видеть альтернативных путей развития управленческой системы⁹.

Надсистемные управленцы, конечно же, никакие не небожители, а высокопрофессиональные специалисты – «мозг управления», которые берут на себя ответственность за эффективное управление системой противодействия преступности и поэтому должны владеть искусством прежде всего правоохранительного управления, т.е. механизмом антикриминальной политики.

Что касается «земных создателей», законодателей, то их профессионализм, через который главная идея трансформируется в идеи концептуальные, не позволяет сегодня обеспечить адекватное законодательство. Последствия же «неконцептуального» законодательства проявляются в негативных факторах, понятие и классификацию которых в частности предлагает В.М. Баранов¹⁰.

Мы же обращаем внимание на такой негативный фактор, как *неспособность «авторского начала» системно мыслить*. И, если на среднем уровне

---

⁸ Малеева Т. В. Системный подход к формированию принципов управления земельными ресурсами крупного города // Проблемы современной экономики. 2005, № 3/4 (15/16): URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=842> (дата открытия документа 10.08.2014).

⁹ См.: Надсистемный управленец: URL: <http://bizbg.ru/index.php/2012-12-13-08-52-53/k2-categories> (дата открытия документа 24.08.2014).

¹⁰ См. об этом: Баранов В.М. Концепция законопроекта и её роль в повышении эффективности принятия закона.

управления «концептуальная власть, или, образно говоря, концептуальное право одевается (по выражению проф. В.О. Мушинского) в мундир законодательства, то чрезвычайно важно чтобы такое «одевание» производилось профессионально подготовленными «портными». Но таким, системно мыслящим «портным» сегодня изобилие не грозит.

Размышляя о роли и значении «земных создателей», или «авторского начала», проф. В.М. Баранов пишет: «Умный законодатель, прежде чем выступить с личной законодательной инициативой, многократно взвесит возможные юридические и иные последствия своего шага»¹¹. Однако, как далее замечает В.М. Баранов, уровень юридической подготовки наших законодателей таков, что лишь немногие способны самостоятельно разработать полноценную концепцию (поскольку, добавим, далеко не ангелы) или же реально оценить уже подготовленную концепцию. А это, естественно, отрицательно влияет на качество принимаемых законов.

В этом плане находим возможным привести примеры, обратившись к двум федеральным законам, в которых реализованы две соответствующие главные идеи – противодействия коррупции и экстремизму. Как известно, эти два социально-юридических явления официально признаны угрозой национальной безопасности России.

Обратимся к антикоррупционному законодательству. Как известно, начало активной антикоррупционной кампании можно отнести ко второй половине 2008 года. Учитывая, что в период с 2005-го по 2008-й год предпринимаемые государством меры противодействия коррупции успехов не имели, Президентом РФ Д.А. Медведевым был утверждён «Национальный план противодействия коррупции» как «настоятельная необходимость». Указ об утверждении данного документа был подписан 31 июля 2008 года.

В статье 1 первого раздела «Меры по законодательному обеспечению противодействия коррупции» в числе таких мер были определены подготовка

---

¹¹ Баранов В.М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 21.

и внесение в Государственную Думу РФ проекта федерального закона «О противодействии коррупции». В проекте, в частности, предусматривалось (п. «а») «определение понятий «коррупция» – как социально-юридического явления, «коррупционного правонарушения» – как отдельного проявления коррупции, влекущего за собой дисциплинарную, административную, уголовную или иную ответственность...»¹². Подчеркнём: определения данных понятий – социально-юридического явления и коррупционного правонарушения – исходили от главы государства, т.е. надсистемного субъекта управления.

Спустя пять месяцев 19.12.2008 г. Государственной Думой был принят и через три дня, 22.12.2008 года одобрен Советом Федерации Федеральный Закон «О противодействии коррупции». А спустя ещё три дня, 25.12.2008 года Закон уже был подписан Президентом РФ.

В этой спешке законодателями были проигнорированы предусмотренные Президентом РФ важные положения, приведённые нами выше. В частности не было дано определения понятия коррупции как социально-юридического явления. Вместо этого термином «коррупция» был обозначен перечень любых деяний в виде незаконного использования должностного положения в корыстных целях.

Данное «неконцептуальное» обстоятельство породило расхождение в подходах к осмыслению понятий коррупции и коррупционного правонарушения (преступления), том, что в определённой мере затрудняет реализацию политики противодействию коррупции. Примечательно, что в недавнем интервью Информационно-правовому portalу «ГАРАНТ» руководитель аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции И.Д. Соловьев, отвечая на соответствующий вопрос (кстати, он задан был первым) ведущей интервью Н. Карпуниной, сказал следующее. По словам депутата, например, определение единого понятия коррупции, которое бы учитывало всё многообразие отечественных и международных правовых актов, невозможно, ибо: «такое определение займет не один лист бумаги

---

¹² См.: Российская газета. 2008. 5 августа.

и будет сложным для восприятия и понимания»¹³. Депутат пояснил, что в Федеральном законе «О противодействии коррупции», по его словам, являющегося «нашей своеобразной антикоррупционной конституцией, дано определение, которое в том числе основано на перечислении способов неправомерных действий должностного лица»¹⁴.

Таким образом, коррупция как «социально-правовое явление, сущность которого выражена в общественных отношениях, возникших на основе оплаченного соглашения (коррупционной сделки) двух и более лиц по незаконному использованию одним из них своего должностного положения в противоправном извлечении совместной выгоды»¹⁵. Но сумма преступлений, или суммативное множество системой не является. Характер и степень безусловной общественной опасности этого множества, тем не менее, не является угрозой национальной безопасности. Суть угрозы – в другом, а именно в системности.

Коррупция давно стала явлением, по верному определению Д.А. Медведева, «ментальным». То есть коррупция в России – это «образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе... психология нации»¹⁶. Следовательно, противодействовать ментальному социальному явлению следует адекватно, т. е. прежде всего ментальными же, идеологическими средствами и делать это системно осмысленно.

Как отмечают известные криминологи Я.И. Гишинский и В.В. Гольберт, «тотальная *коррумпированность* всех ветвей власти в России привели к

---

¹³ О современном состоянии антикоррупционного законодательства. Интервью с руководителем аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции Соловьевым Иваном Николаевичем: URL: http://www.garant.ru/ia/aggregator/?tag_id=1441 (дата открытия документа 17.09.2014 года).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Горшенков А.Г., Горшенков Г.Н. Коррупция как социально-юридическое явление и уголовно-правовой признак // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительная практика: сборник научных трудов / отв. ред. П.А. Колмаков. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2010. Вып. 6. С. 13.

¹⁶ Ментальность // Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.: Современный литератор, 2005. С. 516.

институционализации коррупции и «нормализации» коррупционных отношений со стороны населения, бизнеса, власти»¹⁷.

Иными словами, коррупция представляет собой, к сожалению, нормальное, т.е. закономерное социально-юридическое явление. То, в чём беспомощно государство, сильна коррупция, и она, таким образом, дублирует некоторые функции государственного управления, причём, реализует их более оперативно и экономично для населения.

Коррупция обрела статус социального института и представляет собой *нормативную систему*. Сущность этой системы заключается в определенном порядке, правилах, в соответствии с которыми совершаются различные виды социальной деятельности в экономической, управленческой, правоохранительной, социальной, здравоохранительной и других сферах. В этой нормативной системе реализуется образ жизни определенных социальных (формальных и неформальных) групп, особенно коррумпированных должностных лиц. Не видеть этого, сводить социальный институт к совокупности правонарушений, означает за тремя соснами не видеть леса

Представляется, что главная идея противодействия коррупции и должна заключаться не в оказании ей сопротивления (как это «вяло» выглядит сейчас), а в разрушительном, наступающем воздействии на неё, преследуя стратегической целью её деинституционализацию коррупции, т.е. превращение её в диссипативную систему. Под диссипацией (от лат. *dissipation* – рассеивание) в данном контексте мы понимаем «переход энергии упорядоченного движения в энергию хаотического движения частиц»¹⁸, или: проявлений коррупционных правонарушений.

Можно сказать, в данном случае мы имеем пример подмены системного мышления, в духе которого был написан президентский «концептуальный» документ, мышлением предметным, отличающимся упрощённым опре-

---

¹⁷ Гишинский Я., Гольберт В. Институциональные эффекты девиантности и социального контроля // Российский криминологический взгляд. №1, 2009. С. 223.

¹⁸ Диссипация // Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.: Современный литератор, 2005. С. 292.

делением коррупции всего лишь как «способов неправомерных действиях должностного лица». То есть такому, предметному мышлению не свойственно «многократное взвешивание юридических и иных последствий» законодателя, на что справедливо сетовал проф. В.М. Баранов.

Представление о коррупции как всего лишь о ряде (сумме) отдельных деяний обуславливает и соответствующее, упрощённое представление о причинах этих деяний, а именно, объясняя её всего лишь, как это явствует из преамбулы «Национального плана противодействия коррупции», «неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства»¹⁹.

Следовательно, и сама деятельность по противодействию коррупционной преступности должна сводиться в основном к искоренению её причин, имманентно содержащихся в избыточности государственного администрирования.

Ну, а если обратиться к сфере, образно говоря, другой власти, экономической, то следует констатировать: «Коррупционная модель ведения бизнеса сегодня по-прежнему остается экономически выгодной и позволяет в короткий срок получить значительные преимущества перед конкурентами, пытающимися действовать в рамках правового поля»²⁰.

Кстати, очевидно из такой же, мягко говоря, недооценки проблемы, по причине её ненаучного осмысления, целью «Национальной стратегии противодействия коррупции» было определено «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе» (ст. 5)²¹.

А цель, как известно, предполагает постановку и решение соответствующих задач.

---

¹⁹ Национальный план противодействия коррупции. Утверждён Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г. N Пр-1568 // Российская газета. 2008. 5 августа.

²⁰ Концепция по борьбе с коррупцией в России на период 2014 года: URL: <http://op-yanao.ru/index.php/novosti/koncepciya-po-borbe-s-korrupcieie-v-rossii-na-period-do-2014-goda.html> (дата открытия документа 03.09. 2014 года).

²¹ О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы: Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. N 460 // Российская газета. 2010. 15 апреля.

Например, «Национальным планом противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы» (п. 3) предусматривалась работ «по формированию в обществе нетерпимого отношения к коррупции»²²; в «Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы» органам государственной власти было предписано: «Активизировать работу по формированию в государственных органах отрицательного отношения к коррупции... каждый факт коррупции в соответствующем государственном органе предавать гласности»²³. Заметим, что и действующий «Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 годы» такую задачу – активизацию работы по формированию отрицательного отношения к коррупции – также предусматривает (п. а ст. 5)²⁴.

Заметим, «каждый факт... предавать гласности». То есть руководствоваться крайне некорректным принципом «чем больше, тем лучше». Из криминологии массовых коммуникаций известно, что увеличение количества информации (в данном случае о фактах коррупции), адресованной массовой аудитории, далеко не всегда переходит в ожидаемое качество (нетерпимое отношение к коррупции).

Но у населения невозможно сформировать «отрицательного», «нетерпимого» отношения к коррупции как абстрактному явлению, теоретической, обезличенной конструкции, кстати, в которой сами теоретики не находя единомыслия. В массовом правосознании вызывают интерес сообщения о реальных фактах коррупции, реальных взяточниках, и прежде всего – из числа чиновников.

К тому же нельзя не учитывать, что нетерпимости в обществе и так предостаточно. Сегодня это чувство, ставшее «массововидным», во многом

---

²² См.: Российская газета. 2010. 15 апреля.

²³ Национальный план противодействия коррупции на 2012 – 2013 годы: URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1172 (дата открытия документа 03.08. 2014 года).

²⁴ См.: Национальный план противодействия коррупции на 2012 – 2013 годы. Утверждён Президентом Российской Федерации 11 апреля 2014 г. № 226: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161699/#p48 (дата открытия документа 14.08.2014 года).

определяет социально-политическую ситуацию в стране. Так, проведённый «Левада-центром» опрос показал: в среднем рост напряжения в обществе (на время нашего и следования) отмечали 51% россиян; в Москве этот показатель составлял 80%; в бедном селе он был вдвое ниже — 43%, что, однако, тоже немало)²⁵.

Мы провели контент-анализ публикаций местных СМИ и обнаружили: в 90 случаях из всех сообщений, в которых речь идёт о взяточнике, главным героем был выставлен представитель государственной службы. Очевидно, законодательное поуждение «каждый факт коррупции в соответствующем государственном органе предавать гласности» в этом сыграл немаловажную роль

Этот результат почти 70% студентов старших курсов Нижегородского института управления, которые посещали специальный курсы, оценили следующим образом:

- 1) публикации о фактах коррупции *в большей мере вызывают чувство протеста* у читателей (по аналогии с чувствами самих экспертов),
- 2) *больше подрывают авторитет и стабильность власти*, нежели укрепляют в людях уверенность в успехе борьбы с коррупцией.

А иного преобладающего мнения не могло и быть. В данном случае имеет место одна из дисфункций массовой коммуникации – «эффект бумеранга». Впрочем, может быть, это и есть решение предусмотренной Национальным планом задачи – достигнуть тот самого эффекта «нетерпимости к коррупционному поведению»? Только к конкретному такому поведению – представителей государственной власти.

Уместно заметить, что ещё в далёкую пору становления и развития учения о преступлении знаменитый Вольтер писал: «Право, основанное на нетерпимости, – дикое и нелепое; это право тигров, но даже еще страшнее,

---

²⁵ См.: Гудков Л.Д. Обстановка в стране. Важная статья для криминологов! [Электронный ресурс], – Режим доступа: www.vedomosti.ru/newspaper/article/252911/bez_buduschego (дата открытия документа 21.12.2011 года).

ибо тигры рвут свою жертву на куски только для того, чтобы ее съесть, а мы истребляем друг друга согласно параграфу»²⁶.

Сложились вековые традиции, а против них обращается сила государственного принуждения, при этом устанавливаются даже сроки искоренения в принципе неискоренимых причин и условий коррупции. На убеждение силой нравственности рассчитывать не приходится, потому такая сила в обществе отсутствует. Она возможна только в новых традициях. Но мы же прекрасно знаем, что традиции создаются не законом, а здоровыми образом жизни, развитой культурой. Как свидетельствует история, с помощью закона – был ли он жесток по отношению к взяточникам (вплоть до смертной казни, во времена Петра I) или, наоборот, был ли чрезвычайно «благонаправлен» (повышением жалованья судьям и канцелярским служащим Екатериной II) – никогда ещё не удавалось преодолеть силу криминального рубля.

В описанных случаях имеют место определённые *риски*, т.е. возможные, заранее неизвестные или недооцененные негативные последствия определённых решений и последующих действий. Риск проф. Ю.А. Тихомиров определяет как «вероятное наступление события и совершение действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущих причинить ущерб регулируемой им сфере»²⁷.

В нашем случае очевидны два вида такого риска: *риск несистемности*, или *асистемности* (умаление явления коррупции до элементарной совокупности коррупционных правонарушений) и *риск асоциальности* (возбуждение негативного общественного мнения и правонастроения).

Предвидение (прогнозирование) такого рода рисков, минимизация возможных последствий негативного характера в противодействии преступности или её «фоновых явлений» приобретает сегодня особое, можно сказать,

---

²⁶ Цит. по: Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / В переводе и под редакцией С. А. Мальцевой. С-Петербург, «Пневма», 2002. С. 671.

²⁷ См.: Тихомиров Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // "Журнал российского права", 2014, N 3: URL <http://www.center-bereg.ru/133.html> (дата открытия документа 16.09.2014 года).

«стратегически судьбоносное» значение, ибо в современном мире возможность предвидения будущих явлений, в том числе и в правовой сфере, приобретает особую актуальность. Между тем, в антикриминальной политике правит бал целесообразность и в немалой степени эмоциональность, но не научность. Основная политическая (стратегическая) цель противодействия коррупции искоренения её причин и условий задаёт тон всей управленческой системе, призывая, образно говоря, к кавалерийским атакам на данную угрозу национальной безопасности. В одном из интервью Радио России сенатор А.Г. Лысков, рассуждая о перспективах борьбы с коррупцией и давая оценку антикоррупционному законодательству, определил в нём «твёрдое намерение начать *войну с коррупцией не на жизнь, а на смерть* (выделено нами – *авт.*)»²⁸. И далее: «После принятия выверенных законов, как после утверждения плана генерального наступления, предстоит сделать главное: получить поддержку общества, мобилизовать сограждан на активную *войну с коррупцией* (выделено нами – *авт.*)»²⁹.

На политика (как, впрочем, должно быть и на каждого из нас) в значительной мере влияет общественное мнение и правосознание. Но политик – особый субъект правоотношений (которые он сам и в немалой степени определяет). Он подвержен воздействию текущих событий, предпочтениям социальных групп, политических партий, их лидеров, на которые незамедлительно реагирует. Эти реакции заметно усиливаются, особенно за счёт придания им публичности через СМИ. Отсюда – закономерная потребность в особом, эмоциональном языке, положительно ненормативной, или образной лексике, «языке плаката» – агитации и пропаганды, который позволяет политику находить понимание в широких, массовых аудиториях, чаще попросту в толпе, а то и просто у неопределённого круга лиц.

Возникает вопрос: а нужна политику научность? Его предметное мышление предпочитает иной ориентир – популизм. Разумеется, не к каждому

²⁸ Анатолий Лысков: Атака «пятой колонны»: URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-292213.html?page=4> (дата открытия документа 20.04.2014 года).

²⁹ Там же.

«уголовно-правовому» политику наше утверждение может быть отнесено, однако, явление такое имеет место.

Принцип научности же диктует непреложное правило: при разработке стратегии и тактики противодействия коррупции руководствоваться в особенности не столько обстоятельствами, сколько объективными закономерностями, которым и подчинены эти самые обстоятельства. В силу их и видоизменяется данное социально-юридическое явление – коррупция и в целом преступность.

Карательная мощь уголовного наказания является мерой вынужденной и традиционно в сильной зависящей от «карательной» мотивации «властного» политика, т.е. права подчинять другого. Изначально наказание за преступление имманентно выражало в себе чувство мести, которое вкладывали в него не только законодатель (и правоприменитель), но и потерпевший, которому государство предоставляло такое же право. Например, по Русской Правде предусматривалось право физической расправы над обидчиком, т.е. узаконенная форма кровной мести, или побои³⁰. По истине, как писал известный социолог П.А. Сорокин, «Реальная мотивирующая сила – это не цель, а биологическое побуждение, условный рефлекс...»³¹.

Причём, важно указать на такое обстоятельство. Мера вынужденного (или, наоборот, политически расчетливого) реагирования на частные случаи проявления коррупции в лучшем случае направлена соответственно на причинную связь между деянием и результатом, что действительно немаловажно для обеспечения торжества буквы закона. Но, подчеркнём, – в частном, или исключительном случае. Здесь, мышление правоприменителя «направлено на оценку чужой деятельности с позиции права в целях привлечения к ответст-

---

³⁰ См.: Городнова О.Н. Идея справедливости как критерий оценки и совершенствования уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты: Авторефер. дис... канд юрид.наук. Нижний Новгород, 2014. С. 53.

³¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 198.

венности»³², а в этих, даже добросовестных стараниях легко скатиться под обвинительный уклон.

В связи с этим мы наблюдаем ещё один «рисковый эффект», а именно непроработанную потенциальную возможность получить результат негативного характера, который следовало предвидеть, принимая законодательное решение о смягчении уголовного преследования за взятки, или введения альтернативного лишения свободы в виде кратного штрафа и лишения права занимать определённые должности. Сумма штрафа впечатляет: от двадцатипятикратной суммы взятки (ч. 1 ст.290 УК РФ) – до стократной (ч. 6 ст. 290 УК РФ); то есть минимальный штраф – не менее 25 тысяч руб. и максимальный 500 млн. рублей (!).

Очевидно, что умонепостижимая сумма не была взята с потолка, а просчитана с учётом сложившейся криминальной ситуации, в частности, исходя из финансовых возможностей коррупционеров. Как свидетельствуют результаты социологических исследований, в отличие от политиков, коррупционеры оказались более дальновидными, они регулярно увеличивали плату за возрастающие риски быть схваченными за руку. Например, за шесть лет антикоррупционной кампании средняя сумма взятки увеличилась более чем в 16 раз, и соответственно «совокупный доход» коррупционеров в 2013 году был равен 21 млрд рублей (сумма причинённого ущерба стране). Разумеется, такая сумма окрыляет на успех уголовно-правового противодействия коррупции.

Но при этом туманит взгляд на мнимые результаты, что делает невидимым тот самый риск – гуманизации наказания, которая, по сути, оставляет взяточника, в том числе крупного и особо крупного безнаказанным. Так, по данным председателя Следственного комитета России А.И. Бастрыкина, из 20 млрд руб. (по сути, это почти возмещал бы ущерб), которые должны были

---

³² Жалинский А.Э. Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М.: Наука, 1989. С.74.

выплатить взяточники в качестве кратных штрафов, реально от них было получено всего лишь 20 млн. рублей, или 1%³³.

Размышляя о причинах современного мирового финансового кризиса и, в частности, о пренебрежении принципами права, что неизбежно приводит к волюнтаризму, председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин пишет: «В период кризиса стали очевидны издержки доктрин и их последствия в профессиональной деятельности, трактующих право как «чистую» форму в отрыве от её содержания и не учитывающих взаимосвязь юриспруденции и экономики как прикладных наук, что, по существу, ведёт к игнорированию системного подхода как методологической основы профессионализма». И далее отмечает: «Если мы не хотим, чтобы мир сорвался в пропасть – любое наше правовое действие должно, оставаясь профессиональным, становиться философско-правовым. А значит, мировоззренческим»³⁴.

Именно такое профессиональное сознание должно определять стратегию противодействия коррупции и ставить целью не искоренение её, а мобилизацию усилий общества и государства на деинституционализацию коррупции, минимизацию криминального потенциала её как угрозы национальной безопасности. Противодействовать нежелательному системному явлению следует адекватно. И при этом на скорый результат, даже и не скорый, но конечный, победный рассчитывать утопично.

Сегодня же реализация противодействия коррупции, представляется нам, носит не системный, а скорее кампанийский характер. «Кампания» определяется как «совокупность мероприятий, проводимых в определённый период времени для осуществления важной общественно-политической или хозяйственной задачи»³⁵. Каждый такой период определяется Национальным планом противодействия коррупции (2010 – 2011; 2012 – 2013; 2014 – 2015

---

³³ См.: В ходе антикоррупционной кампании средняя сумма взятки в России выросла в 16 раз: URL: <http://www.gosrf.ru/news/15262/> (дата открытия документа 30.10.2014 года).

³⁴ Зорькин В. Право – для человека // Российская газета. 2008. 25 ноября.

³⁵ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2013. С. 210.

годы). Показательно, что термин «антикоррупционная кампания» стал синонимом «противодействия коррупции».

Итог несистемного подхода к кампании противодействия и самой деятельности по «искоренению причин и условий коррупции» оценил Д.А. Медведев на заседании Совета законодателей, посвященном борьбе с коррупцией, констатируя, что на сегодня каких-либо значимых успехов в этом он отметить не может³⁶.

Не менее, если не более ущербным, для практики противодействие преступности является вообще игнорирование концепции как основополагающего теоретического осмысления всей, т.е. научной обоснованности системы противодействия преступности. В качестве примера можно определить законодательную практику в области противодействия терроризму.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» первоначально был принят 6 марта 2006 г. (N 35-ФЗ).

Затем, *спустя четыре месяца*, в Закон были внесены изменения и дополнения. После этого в 2008 году Закон корректируется снова, причём, *трижды*. Наконец, на высшем уровне государственного управления политическая мудрость привела к принятию решения о проведении анализа сложившейся ситуации (касающейся оценки проблемы терроризма и «законотворческого реагирования» на неё) и на его основе – разработке соответствующих основоположений. В результате, наконец, была введена в действие указом Главы государства «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации»³⁷.

В Концепции были определены основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в России, цель, задачи и три стратегических направления дальнейшего развития системы противодействия терроризму; а) создание системы противодействия террористической

---

³⁶ См.: Латухина К. Битва за честность. Дмитрий Медведев решил противодействовать коррупции вместе с регионами // Российская газета. 2010. 25 июля.

³⁷ См.: Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. 2009. 20 октября.

идеологии; б) осуществление комплекса мер по обеспечению защищённости потенциальных объектов от террористических посягательств; в) усиление контроля за соблюдением административно-правового режима, т.е. особого порядка деятельности органов государственного управления.

Что особенно следует отметить, в Указе Президента РФ были прописаны положения об общегосударственной системе противодействия терроризму, которая была призвана обеспечить проведение единой государственной политики в области противодействия терроризму и защиту основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение национальной безопасности России (ст. 6).

Была определена и *реально выполнимая цель* противодействия терроризму – защита личности, общества и государства от террористических актов и иных проявлений терроризма. Правда, это определение следует относить не столько к цели (которая предполагает конечный результат), а к функции (которая предполагает и цель, и направление, и характер деятельности). Однако в данном случае понятие цели выступает в контексте политико-правового документа. И этот документ не предполагает реального целедостижения, в отличие от реальной, исполнительно-распорядительной деятельности, где цель – адресная, имеющая сроки реализации и предполагает конечный результат. В данном же случае можно говорить об относительно безадресной цели-ориентире.

Концепция предусматривает регулярный контроль (мониторинг) и анализ проблем терроризма, антитеррористической деятельности, законодательства, международного опыта и т.д.

Можно заключить, что последовавшие за принятием Концепции дальнейшие коррекции антитеррористического закона (а их, т.е. изменений и дополнений на протяжении 2010 – 2014 гг. было *более тридцати*, точнее на 10 сентября 2014 г. – 33 коррекции) были направлены на «выравнивание» законодательной деятельности в соответствии с политическим курсом, «проложенным» этим основополагающим документом.

В числе основных понятий Закон предусматривал в частности понятия: «терроризм», «террористическая деятельность» и террористический акт. «Терроризм» определяется (и определяется) как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, местного управления, а также международными организациями. Понятие «террористическая деятельность» в Законе отсутствует, вместо его определения дан перечень (можно сказать, по аналогии с антикоррупционным законом) её шести видов. Наконец, даётся определение террористического акта – совершение взрыва, поджога или иных устрашающих население действий в целях воздействия на органы власти или международных организаций.

Но вот, спустя четыре месяца после принятия антитеррористического закона, т.е. 27 июля 2006 г. принимается Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» N 148-ФЗ. В отличие от антитеррористического закона, в этом, антиэкстремистском законе различия между «экстремизмом», который так же, как и терроризм, представляет собой идеологию устрашения, и «экстремистской деятельностью» как практикой реализации экстремистской идеологии, крайних взглядов, радикальных устремлений оказались нивелированы: «экстремистская деятельность (экстремизм)» (п. 1 ст. 1). Закон отождествляет не отождествляемые значения термины «экстремистская деятельность» (как управленческий процесс) и «экстремизм» (как социально-юридическое явление), с чем нельзя согласиться.

Закон отождествляет термины «экстремистская деятельность» и «экстремизм» и, как ни парадоксально, их не отождествляемые значения – управленческий процесс и как социально-юридическое явление.

Обращает на себя внимание и перечень видов экстремистской деятельности. Вторым в этом обширном перечне поставлены «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» (п. 1 ст. 1), т.е. те самые шесть видов террористической деятельности, определённых в антитеррористическом законе (кстати, публичное оправдание терроризма в их числе не предусмотрено).

В результате такого неосторожного обращения с юридической техникой оказались «перемешаны» и правовые категории «*преступление экстремистской направленности*» и «*преступление террористического характера*», допущены некорректные положения, особенно относящиеся к факультативным признакам. Например, как можно было «публичные призывы» в то же время определять как «те же действия, совершённые с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет" (например, ст. 280 и ст. 280¹ УК РФ). Массово-информационное сообщение никак не может быть публичным.

Известно, что публичная форма речи (любое выступление – с сообщением, лекцией, докладом и т.п.) имеет место в непосредственном присутствии публики и, таким образом, носит открытый характер. Выступление же с использованием СМИ обращено к неограниченному кругу лиц (массовой аудитории) и носит опосредованный характер.

Неопределённость значения термина «призывы» позволяла трактовать его так, как понимал сам правоприменитель.

Ещё более неопределённой оказалась в частности статья 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Заметим, что уже само наименование статьи побуждает задуматься над вопросом: в чём усматривать разницу между «ненавистью» либо «враждой»? По сути, это две степени проявления одного и того же чувства: *вражда* – отношения и действия, в которых выражена неприязнь, *ненависть*; а *ненависть* и есть чувство *вражды*, только *сильной* вражды.

Но не это главное. Обратим внимание на редакцию на диспозицию части первой данной статьи: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды...». Сразу же подчеркнём, *действия* – какими бы они (умышленными или неосторожными) ни были. Это, во-первых. Во-вторых, не определена цель действий, а обозначена только неопределённая направленность, исходящая из характера действия.

Диспозиция, провоцирует правоприменителя на то, чтобы вопреки такому важному принципу уголовного закона, как принцип вины, закреплённый в статье 5 Уголовного кодекса РФ, возбуждать уголовное дело. В части первой этой статьи говорится о привлечении к уголовной ответственности только тех лиц, в отношении которых установлена вина. А в части второй – обращено внимание на недопустимость объективного вменения. В данном случае правоприменителю предоставлена возможность оценивать принимать решение, исходя из собственного усмотрения, т.е., оценивая характер действия, или его направленность.

Для сравнения и размышлений приведём извлечение из Уголовного кодекса Республики Казахстан. Частью первой статьи 164 «Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды» предусмотрено: «*Умышленные (выделено нами – авт.) действия, направленные на возбуждение... вражды...*»³⁸.

Можно указать на целый ряд критических замечаний в отношении данного антиэкстремистского закона и соответственно его неправомерного применения³⁹. На данное обстоятельство был вынужден обратить внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации, приняв 28 июня 2011 года Постановление «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». В этом документе *изложены* многочисленные рекомендации судам, исключающие неправомерное применение закона.

Кстати, в отношении деяния, предусмотренного ст. 282 УК РФ, Пленум постановил (п. 8): «Преступление, предусмотренное статьей 282 УК РФ, совершается только *с прямым умыслом* и *с целью* возбудить ненависть либо

³⁸ Кодекс Республики Казахстан от 16.07.1887 N 167-І «Уголовный кодекс Республики Казахстан»: URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00087&uro=080170> (дата открытия документа 03.10.2014 года).

³⁹ См., например: Конституция – это закон и для Государственной Думы / В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.С. Комиссаров, В.В. Лунев // Государство и право. 2007. № 5. С. 13 – 16; Чуганов Е. Борьба с экстремизмом, но не со свободой слова:: URL: <http://www.voskres.ru/articles/chuganov.htm> (дата открытия документа 11.10.2014 года).

вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц...» (выделено нами – *авт.*). К тому же Пленум здесь же разъяснил, что высказывание суждений и умозаключений, в которых использованы факты международных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения достоинства человека или группы лиц (по соответствующим признакам), «не являются преступлением, предусмотренным статьёй 282 УК РФ».

Размышления над данной проблемой, невольно приходим к мысли, что очевидные огрехи формализации и идеологизации нормы закона не так уж и случайны. Любая норма закона выражает, прежде всего, определённую политическую идею, а затем уже – идею регулирования. Сама логика рассматриваемого нами вопроса (стратегия → законотворчество → противодействие преступности) выражает эту закономерность, которую можно назвать политизацией.

Термин «политизация» означает в частности наполнение политическим смыслом каких-либо явлений, процессов, отдельных вопросов общественной жизни⁴⁰ [6]. Этот смысл (например, экстремизм как угроза национальной безопасности) определяют политические интересы, исходящие из них цели (защита прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации) минимизации экстремизма) и соответствующие средства (*в частности – уголовно-правовые*) их достижения.

В основе политизации лежит целесообразность, т.е. сообразно цели. Цель в данном случае доминирует – она, главным образом, определяет решение и действие. Можно сказать, *политическая целесообразность* является важнейшим системным признаком, которым определяется сущность политизации, соответствие политической деятельности её целям, достижение которых прокладывает путь, повторимся, через законотворчество и практическую

---

⁴⁰ См.: Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. М.: Луч, 1996. 271с.:URL: <http://www.politike.ru/dictionary/840/word/politizacija> (дата открытия документа 15.02.2014 года).

деятельность (в области противодействия преступности). И в этой ситуации политик, ослеплённый политической выгодностью, предвкушаемым результатом, легко может впасть в заблуждение или искушение и отойти от правил, ограничений, даже игнорировать запрет.

Особенно это касается выбора средств, с помощью которых мыслится достижение цели. Сомнительное известное утверждение «цель оправдывает средство» в политике нередко оказывается несомненным принципом. Разумеется, заманчиво, имея силу закона, принудить другого к нужному, например, антикоррупционному поведению. И идея бескомпромиссной борьбы с преступностью окрыляет политика, и принцип интенсивности и наступательности начинает доминировать в антикриминальной политике, что недопустимо. Тем более, когда наступательность уподобляется кавалерийской атаке.

Предостерегая подобное убеждение политиков, проф. М.П. Журавлёв поясняет, что «наступательность предполагает упреждение, опережение действий преступников, последовательную реализацию превентивного подхода к делу противодействия преступности»⁴¹.

При несомненной важности политической целесообразности в определении основных направлений противодействия преступности политику, субъекту управления противодействием преступности необходимо, однако, воздерживаться от предвкушения радостного результата своих усилий, но основываться на трезвой, т.е. всесторонней научно обоснованной оценке возможностей достижения такого результата. Успешность мысли и дела можно гарантировать только при условии гармонизации политических отношений на всех уровнях государственно-правового управления – от идеологического осмысления до реализации мер противодействия преступности.

---

⁴¹ Журавлев, М. П. О концепции государственной политики борьбы с преступностью в России // Вестник Владимирского юридического института .2007. № 1. С. 20.

Примечания

1. Краткая философская энциклопедия. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994.
2. Баранов В.М. Концепция законопроекта и её роль в повышении эффективности принятия закона: URL: http://o-patriotizme.narod.ru/zak_deyatGD2003_konfer_konz.htm (дата открытия документа 11.09.2014 года).
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997.
4. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003.
5. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы: Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. N 460 // Российская газета. 2010. 15 апреля.
6. Борисенков А.А. О политической власти и её связи с государственно властью // Право и политика. 2013. № 5 (161).
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
8. Малеева Т В. Системный подход к формированию принципов управления земельными ресурсами крупного города // Проблемы современной экономики. 2005, N 3/4 (15/16): URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=842> (дата открытия документа 10.08.2014).
9. Надсистемный управленец: URL: <http://bizbg.ru/index.php/2012-12-13-08-52-53/k2-categories> (дата открытия документа 24.08.2014) Надсистемный управленец: URL: <http://bizbg.ru/index.php/2012-12-13-08-52-53/k2-categories> (дата открытия документа 24.08.2014).

10. Баранов В.М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17.

11. Национальный план противодействия коррупции. Утверждён Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г. Пр-1568 // Российская газета. 2008. 5 августа.

12. О современном состоянии антикоррупционного законодательства. Интервью с руководителем аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции Соловьевым Иваном Николаевичем: URL: http://www.garant.ru/ia/aggregator/?tag_id=1441 (дата открытия документа 17.09.2014 года).

13. Горшенков А.Г., Горшенков Г.Н. Коррупция как социально-юридическое явление и уголовно-правовой признак // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительная практика: сборник научных трудов / отв. ред. П.А. Колмаков. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2010. Вып. 6.

14. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.: Современный литератор, 2005.

15. Гилинский Я., Гольберт В. Институциональные эффекты девиантности и социального контроля // Российский криминологический взгляд. №1, 2009.

16. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.: Современный литератор, 2005.

17. Концепция по борьбе с коррупцией в России на период 2014 года: URL: <http://op-yanao.ru/index.php/novosti/koncepciya-po-borbe-s-korrupcieie-v-rossii-na-period-do-2014-goda.html> (дата открытия документа 03.09.2014 года).

18. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 - 2011 годы: Указ Прези-

дента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. N 460 // Российская газета. 2010. 15 апреля.

19. Национальный план противодействия коррупции на 2012 – 2013 годы. Утверждён Президентом Российской Федерации 11 апреля 2014 г. № 226:URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161699/#p48 (дата открытия документа 14.08.2014 года).

20. Гудков Л.Д. Обстановка в стране. Важная статья для криминологов! [Электронный ресурс], – Режим доступа: www.vedomosti.ru/newspaper/article/252911/bez_budushego (дата открытия документа 21.12.2011 года).

21. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / В переводе и под редакцией С. А. Мальцевой. С-Петербург, «Пневма», 2002.

22. Тихомиров Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // "Журнал российского права", 2014, N 3:URL <http://www.center-bereg.ru/l33.html> (дата открытия документа 16.09.2014 года).

23. Анатолий Лысков: Атака «пятой колонны»:URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-292213.html?page=4> (дата открытия документа 20.04.2014 года).

24. Городнова О.Н. Идея справедливости как критерий оценки и совершенствования уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты: Авторефер. дис...канд юрид.наук. Нижний Новгород, 2014.

25. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.

26. Жалинский А.Э. Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М.: Наука, 1989.

27. В ходе антикоррупционной кампании средняя сумма взятки в России выросла в 16 раз:URL: <http://www.gosrf.ru/news/15262/> (дата открытия документа 30.10.2014 года).

28. Зорькин В. Право – для человека // Российская газета. 2008. 25 ноября.
29. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2013.
30. Латухина К. Битва за честность. Дмитрий Медведев решил противодействовать коррупции вместе с регионами // Российская газета. 2010. 25 июля.
31. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. 2009. 20 октября.
32. Кодекс Республики Казахстан от 16.07.1887 N 167-І «Уголовный кодекс Республики Казахстан»:URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00087&uro=080170> (дата открытия документа 03.10.2014 года).
33. Конституция – это закон и для Государственной Думы / В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.С. Комиссаров, В.В. Лунев // Государство и право. 2007. № 5.
34. Чуганов Е. Борьба с экстремизмом, но не со свободой слова.:URL: <http://www.voskres.ru/articles/chuganov.htm> (дата открытия документа 11.10.2014 года).
35. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. М.: Луч, 1996. 271с.:URL: <http://www.politike.ru/dictionary/840/word/politizacija> (дата открытия документа 15.02.2014 года).
36. Журавлев, М. П. О концепции государственной политики борьбы с преступностью в России // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1.

Notes

1. The Short philosophical encyclopedia. М.: Publishing group "Progress" - "Encyclopedia", 1994.

2. The Ram V.M. The Concept of the bill and her(its) role in increasing of efficiency of the taking the law:URL: http://o-patriotizme.narod.ru/zak_deyatGD2003_konfer_konz.htm (the date of the opening of the document 11.09.2014).

3. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. The Explanatory dictionary of the russian language. 4-e izd., complemented. M.: Azbukovnik, 1997.

4. Kudryavcev V.N. The Strategies of the fight with criminality. M.: YUrist', 2003.

5. About National strategy of the reluctance to corruptions and National plan of the reluctance to corruptions on 2010 - 2011: Edict of the President to Russian Federation from April 13 2010 N 460 // Russian newspaper. 2010. the April 15.

6. Borisenkov A.A. About political authorities and her(its) relationship with state power // Right and policy. 2013. 5 (161).

7. About Strategies of national safety to Russian Federation before 2020: Edict of the President to Russian Federation from 12 May 2009 N 537 // Russian newspaper. 2009. 19 May.

8. Maleeva T V. System approach to shaping principle management resource land of the large city // Problems of the modern economy. 2005, N 3/4 (15/16):URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=842> (the date of the opening of the document 10.08.2014).

9. Nadsistemnyy leader:URL: <http://bizbg.ru/index.php/2012-12-13-08-52-53/k2-categories> (the date of the opening of the document 24.08.2014) On-system управленец:URL: <http://bizbg.ru/index.php/2012-12-13-08-52-53/k2-categories> (the date of the opening of the document 24.08.2014).

10. The Ram V.M. The Idea and concept of the bill: notion, importance, dialectics of the operation // Legal science and practice. The Herald Nizhegorodskoy academies MVD Russia. 2012. 17.

11. The National plan of the reluctance to corruptions. The Approved President to Russian Federation on July 31 2008 Pr-1568 // Russian newspaper. 2008. the August 5.

12. About modern condition антикоррупционного legislation. The Interview with leader of the device of the Committee of the State Duma on safety and reluctance to corruptions Solovievym Ivanom Nikolaevichem: URL: http://www.garant.ru/ia/aggregator/?tag_id=1441 (the date of the opening of the document 17.09.2014).

13. Gorshenkov A.G., Gorshenkov G.N. The Corruption as social-legal phenomena and criminal-legal sign // Actual problems of the legal science and право-применительная practice: collection of the scientific works / отв. ред. P.A. Kolmakov. Syktyvkar: Izd-in Syktyvkerskogo un-ta, 2010. drink. 6.

14. The Latest dictionary of the foreign words and expressions. М.: Modern man of letters, 2005.

15. Gilinskiy YA., Golibert V. Institucionalinye effects of the social deflection and social checking // Russian look at kriminologiyu. 1, 2009.

16. The Latest dictionary of the foreign words and expressions. М.: Modern man of letters, 2005.

17. The Concept on fight with corruption in Russia for a period of 2014: URL: <http://op-yanao.ru/index.php/novosti/koncepciya-po-borbe-s-korrupcieie-v-rossii-na-period-do-2014-goda.html> (the date of the opening of the document 03.09. 2014).

18. About National strategy of the reluctance to corruptions and National plan of the reluctance to corruptions on 2010 - 2011: Edict of the President to Russian Federation from April 13 2010 N 460 // Russian newspaper. 2010. the April 15.

19. The National plan of the reluctance to corruptions on 2012 - 2013 go-dy. The Approved President to Russian Federation on April 11 2014 226: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161699/#p48 (the date of the opening of the document 14.08.2014).

20. The Beep L.D. The Situation in country. The Important article for criminologist! [Electronic resource], - a Mode of the access: www.vedomosti.ru/newspaper/article/252911/bez_budushego (the date of the opening of the document 21.12.2011).

21. Antiseri D., Reale Dzh. West философия from headwaters before our days. From Rebirth before Edging / In translation and under editing S. A. Malicevoy. S-PETERBURG, "Pnevma", 2002.

22. Tihomirov YU.A. The Forecasts and risks in legal sphere // "Journal of the russian right", 2014, N 3:URL <http://www.center-bereg.ru/133.html> (the date of the opening of the document 16.09.2014).

23. Anatoliy Lyskov: Attack "heel kolonny":URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-292213.html?page=4> (the date of the opening of the document 20.04.2014).

24. Gorodnova O.N. The Idea to fairness as standard of judgement and improvements criminal legislation: theoretical and under-кладной aspects: Avtorefer. дис канд jurid.nauk. Lower Novgo-sort, 2014.

25. Sorokin P.A. The Persons. The Civilization. The Society / Obsch. ed., sost. and предисл. A.YU. Sogomonov: Per. with angel. M.: Politizdat, 1992.

26. ZHalinskiy A.E. Social-legal thinking: problems of the fight with criminality. M.: Science, 1989.

27. In the course of антикоррупционной campaigns average amount bribes in Russia выросла in 16 once:URL: <http://www.gosrf.ru/news/15262/> (the date of the opening of the document 30.10.2014).

28. Zorikin V. Right - for person // Russian newspaper. 2008. the November 25.

29. Ushakov D.N. The Explanatory dictionary of the modern russian language. M.: "Adelant", 2013.

30. Latuhina K. Battle for probity. Dmitriy Medvedev has solved to counteract the corruptions together with region // Russian newspaper. 2010. the July 25.

31. The Concept of the reluctance terrorism in Russian Federation // Russian newspaper. 2009. the October 20.

32. The Code of the Republic Kazakhstan from 16.07.1887 N 167-I "Penal code of the Republic Kazakhstan":URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00087&uro=080170> (the date открытия document 03.10.2014).

33. The Constitution - a law and for State Duma / V.N. Kudryavcev, N.F. Kuznecova, V.S. The Commissar, V.V. Lunev // State and right. 2007. 5.

34. CHuganov E. to Fight with extremism, but not with freedom of speech::URL: <http://www.voskres.ru/articles/chuganov.htm> (the date of the opening of the document 11.10.2014).

35. Halipov V.F., Halipova E.V. The Power. The Policy. The State service. The Dictionary. M.: Ray, 1996. 271с.:URL: <http://www.politike.ru/dictionary/840/word/politizacija> (the date of the opening of the document 15.02.2014).

36. ZHuravlev, M. P. About concepts state politicians fights with criminality in Russia // Herald Vladimirskogo legal institute .2007. № 1.